

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

*Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ, А.А. ОВСЯННИКОВ,
Н.Е. ПОКРОВСКИЙ*

ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ФОНДА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ И ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время Правительство РФ и Международный банк реконструкции и развития завершили реализацию Инновационного проекта в области образования (ИПРО). Финансирование и организация проекта возлагались на Национальный фонд подготовки кадров (НФПК). Проект включал программы поддержки инноваций в высшем образовании и академических инициатив в области социально-

Константиновский Давид Львович — доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии РАН. **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. **Телефон:** (095) 128–56–01. **Электронная почта:** konstant@isras.ru. **Факс:** (095) 719–07–40

Овсянников Анатолий Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и маркетинга Международного университета (в Москве). **Адрес:** 125040 Москва, Ленинградский просп., д. 17, Международный университет. **Электронная почта:** aovsianikov@interun.ru; aovsianikov@ium.edu

Покровский Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. **Адрес:** 101978 Москва, ул. Мясницкая, д. 20, ГУ–ВШЭ. **Телефон:** (095) 152–02–31. **Факс:** (095) 152–41–35. **Электронная почта:** nikita@gol.ru

Статья основана на аналитическом отчете о реализации программ Национального фонда подготовки кадров «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах» и «Поддержка академических инициатив в области социально-экономических наук» (1999–2004). Отчет представлен на итоговой конференции НФПК «Социально-экономическое образование: состояние и перспективы» в ноябре 2004 г.

экономических наук. Анализ результатов этой работы предполагает оценку как социологической культуры, так и культуры профессионального социологического образования в российском обществе.

Социологическая культура в России

Социолог обязан быть ответственным деятелем. К. Поппер, рассуждая о гражданской позиции социолога, заметил: «Если бы я должен был дать простую формулу или рецепт для различения того, что я определяю как допустимые планы общественной реформы и недопустимые планы утопии, то сказал бы так: действуй скорее для устранения конкретного зла, чем для реализации абстрактного добра... Но не пробуй реализовать эти цели путем выработки и воплощения в жизнь абстрактного идеала общества, совершенного во всех отношениях. Не позволяй, чтобы твои мечты о прекрасном мире уводили тебя от нужд людей, страдающих сегодня рядом с тобой»¹. Оценивая российскую социологическую культуру с позиций попперовского императива, отметим следующие ее черты. Прежде всего, это определенный сервиллизм. В сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи нередко выполняют обслуживающие функции. Их задача сводится не к пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожиданий властных структур. Если оценки социологов не соответствуют этим ожиданиям, они вынуждены выслушивать упреки в бессмысленности такой социологии. В социологической науке доминируют темы, связанные с оправданием сложившегося в России социального уклада. Плохо то, что повседневная жизнь и работа обычных людей стали, за редким исключением, неинтересными для наших социальных наук. Социологи не считают престижным изучение природы социального неравенства в России. Табуирована тема истории и последствий российской приватизации. Почти нет исследований, касающихся причин региональных различий, социальной аномии, криминализации общества, отчуждения человека, произвола правящих элит и новой российской буржуазии.

Помимо чисто научных целей социология должна быть нацелена на повышение *социологической культуры* общества, стимулирующей его самопознание и саморегулирование. Именно этим измеряется позитивное развитие социологии, как и любой иной социальной науки. Однако социологи так и не смогли дать научную картину российской драмы последнего десятилетия. Власти не услышали немногих, как правило, алармистски настроенных социологов. Люди же зачастую просто не понимают, что происходит в стране и почему они живут так плохо, хотя, по данным официальной и по-прежнему лукавой статистики, их жизнь постоянно улучшается.

¹ Popper K. *Nedza historycyzmu*. Warszawa, 1989. S. 44.

Программные цели ИПРО в значительной степени имели прикладной характер и были связаны со сроками выполнения проекта. Однако некоторые его результаты имеют стратегическое значение, поскольку влияют на формирование новых образцов социологической культуры. Проект сыграл роль интеллектуального *фермента*, внесшего заряд новых идей и новой системности в прежде достаточно консервативную среду. Это результат коллективных усилий социологических кафедр и факультетов, стажировок в ведущих университетах мира, общения студентов с выдающимися зарубежными и отечественными социологами.

Так, проект инициировал появление серии учебных пособий по различным социологическим дисциплинам. Издания содержат примеры эмпирических и теоретических исследований (выполненных как зарубежными, так и российскими социологами), которые являются образцами профессиональной честности и гражданственности. Стратегический результат проекта — появление нового поколения учебной и профессиональной литературы, включающей современные социологические тексты и интернет-ресурсы. Тексты учебных материалов демонстрируют *полипарадигмальный, лишенный ортодоксии подход* к пониманию и интерпретации социальной жизни. После десятилетий монополии марксизма и в условиях, когда на социологических кафедрах до сих пор доминируют профессора, сделавшие карьеру на апологетике догматического марксизма, это безусловно позитивное изменение. Наконец, проект способствовал формированию нового поколения российских социологов, работающих в университетах и институтах Российской академии наук. В дальнейшем описанные процессы будут зависеть как от развития макроструктур российского общества в целом, так и от изменений в профессиональном социологическом сообществе.

Современное состояние российской социологии и социологического образования

Согласно самой распространенной оценке социология в России испытывает очевидный подъем. Аргументация в пользу этого мнения весьма проста: социологии во всех ее формах «повсюду стало много». Открылось более ста кафедр и факультетов, выпускающих дипломированных социологов. Множатся опросы общественного мнения по различным темам. Социолог стал неотъемлемым участником многих коммерческих и политических проектов, а также телепередач. Книжные магазины заполнены учебниками по социологии, нет числа социологическим конференциям. Указывается и на значительное увеличение суммарного оборота средств в сфере социологии, правда, без спецификации денежных потоков.

Не оспаривая количественных характеристик процесса, заметим, что оценки сторонников этой точки зрения практически полностью

игнорируют *качественное* содержание новой российской социологии и социологического образования. Подобная забывчивость отнюдь не случайна: за цифрами экстенсивного роста социологии в России подчас скрывается если не ее деградация, то, по крайней мере, отсутствие убедительных показателей качественного развития.

Социологическое образование можно оценивать не только по количеству кафедр, учебников и выпускников, но и степени его полезности для общества в целом и конкретно для студента, будущего профессионала. Критерий такой полезности — спрос на социологов-профессионалов на рынке труда. Агентства по подбору персонала оценивают этот спрос как крайне низкий: на протяжении всего последнего десятилетия он не превышает уровня 3,0–3,5 баллов (при десятибалльной оценке), что свидетельствует о невостребованности *профессионального* труда в этой области. Традиционной для социолога была педагогическая и академическая деятельность. Мощный источник спроса на социологический труд в прошлом — «заводская» социология. Сегодня социолог-профессионал востребован только в университетах и академических институтах. К социально-преобразующей деятельности эта работа имеет весьма далекое отношение. Власти, как правило, безразличны исследования, свидетельствующие о результатах ее собственной деятельности. Вновь на социологических дискуссиях актуализирован вопрос советских времен о социальной роли социолога. Невостребованность социологии возвращает как власть, так и саму эту науку, осознающую *декоративность* своего присутствия в системах социального знания и общественного мнения как атрибута гражданского общества. Попытки утилитарного и примитивного использования социологии оборачиваются профанацией и разрушением уже созданного задела научных знаний.

Проблема не снимается тем, что выпускники социологических факультетов и кафедр обычно не остаются безработными. Они востребованы коммерческими структурами, где применяют усвоенные в университетах знания для изучения потребительского спроса. Их трудоустраивают в средства массовой информации и государственные структуры. И нельзя не согласиться с тем, что некая часть выпускников университетов неизбежно поглощается такими сферами деятельности, где используется лишь часть их потенциала. Речь идет о некоем *новом состоянии социологии*, сочетающем в себе довольно контрастные характеристики. Причину этого состояния, естественно, ищут в трансформациях современного российского общества, ставящего эту науку перед лицом серьезных испытаний, что чаще всего выражается универсальной формулой: «Какое общество, такая и социология».

Однако, находясь на любой из перечисленных точек зрения, нельзя отрицать того, что социология несет на себе печать окружающей социальной среды. Так, С.Ю. Барсукова выделяет три главные

проблемы российской социальной действительности, с которыми современная отечественная социология не справляется². Прежде всего, это *информационный голод*. Социальные связи и процессы в России все более «уходят в тень», создается лишь иллюзия информационной прозрачности общества. В последнее время социологи столкнулись с явлением, которое нельзя назвать иначе, как «цензура». Если содержание статьи не соответствует политической позиции редакции (которая, в свою очередь, определяется позициями владельцев), то нет шансов опубликовать статью в этом издании. Другая проблема, по мнению Барсуковой, заключается в *постоянно возрастающем запаздывании*. Вследствие того, что динамика общественного развития России намного превышает возможности социологии эту динамику исследовать, возникает разрыв между реальным состоянием общества и его социологическим диагнозом. К проблемам российской социальной действительности, влияющим на состояние социологии, относят и так называемый *криминальный барьер*. Капиллярная криминализация всех сфер жизни общества привела к тому, что практически исчезают предметные области социологических исследований, где нет угрозы столкнуться с криминалом. В результате любое явление изучается «от сих и до сих», расширяются «закрытые» зоны. Социологи знают, что на каком-то этапе их исследования обозначат себя внешние силы, которым оно активно не нужно и которые попытаются его либо закрыть, либо направить в «желательное» русло. Социология, осваивающая стратегии и тактики выживания через уже названное сервелистское угодничество или отчуждение от социальных практик, теряет потенциал социальной пассионарности.

Алармистский подход к развитию социологии в России часто опирается на трезвые оценки, которые не всегда грешат радикализмом. Так, Р.В. Рывкина³ отмечает существенное улучшение базовых общественных характеристик, влияющих на российскую социологию. По ее мнению, в сравнении с советской эпохой сегодня у нас есть неоспоримые преимущества. К их числу относятся свободы — планирования и организации любых исследований; международных связей и обмена информацией; высказывания любых научных идей и концепций; использования и сбора информации. Нередко, правда, эти свободы имеют потенциальный, а не актуальный характер. Кроме них, социология реализует себя и через целый ряд других условий, отмечаемых Р.В. Рывкиной: существование научных организаций и (или) крупных научных коллективов; нормальное воспроизводство

² Барсукова С.Ю. Болезни роста российской социологии. [online] <<http://socnet.narod.ru/Rubez/13-14/barsukova.htm>>

³ Рывкина Р.В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 197–208.

научных кадров; внутренний социальный заказ, то есть спрос на исследования со стороны государства и бизнеса; востребованность со стороны общества; развитие сетевых научных контактов социологических организаций как внутри страны, так и за рубежом и др.

В последние годы возникли и новые тенденции во взаимоотношениях социологии и российского общества. Если в перестроечные и постперестроечные годы значимость социологического знания не ставилась под сомнение и речь лишь шла о том, как лучше его осваивать и развивать, то сейчас все чаще можно столкнуться с нигилизмом по отношению к социологии в целом. Нередко в выступлениях политических деятелей и журналистов встречаются заявления, что российская социология оказалась неэффективной, в какой-то мере чисто западной наукой, не применимой к нашим реалиям. Она не смогла стать научным компасом реформирования России и потому несет ответственность за кризисное состояние российского общества. Вопрос не так прост, как может показаться.

С одной стороны, вину пытаются возложить на социальную науку в целом и представляющих ее ученых, которые никоим образом не были вовлечены в процесс принятия решений, касающихся ключевых направлений развития российского общества. Более того, если во властных коридорах и бьются социологи, то только «свои», проверенные. Нигилизм по отношению к перспективам дальнейшего развития социологии в России чаще всего высказывают именно те, кто никогда не использовал полноценные социологические данные в политической, государственной и бизнес сферах, стремясь создать лишь видимость модной научности.

С другой стороны, нельзя отрицать, что научная социология оказалась избыточной для общества, которое предпочитает опираться на «простые решения», на модель «экономического человека», чаще всего продиктованные прагматической целесообразностью текущего момента. А ведь, по логике вещей, социологический анализ должен быть неотъемлемой частью *любых государственных и бизнес-программ*. Социологи должны входить в круг лиц, влияющих на принятие ответственных решений. В действительности же социологи либо заперты в университетах, либо проводят техническую экспертизу в маркетинге и рекламе⁴. Здесь возникает досадное противоречие. Мир

⁴ Сходным образом оценивают положение социологии в своих странах и западные коллеги, что лишний раз подтвердилось их выступлениями на XV Всемирном социологическом конгрессе в Брисбейне (2002). Раньше социология на Западе в основном существовала в университетах и была самостоятельной академической наукой. Теперь же университетское финансирование исследований уменьшается, и социологию, в том числе и фундаментальную, выталкивают на рынок.

бизнеса мыслит в категориях бесконфликтного оптимизма и «игры на упрощение», говоря шахматным языком. Социология же по природе своей критична, неоптимистична (в лучшем случае нейтральна) и опирается на научный анализ. Однако ей предлагается стратегия приспособления: социологам приходится играть по правилам большого бизнеса и госструктур, подлаживаться под их запросы и, выполняя финансируемые ими исследования, лишь «в тайне» заниматься научной работой исходя из принципов науки, а не интересов заказчика. Отечественная социология, только что вышедшая из катакомб советского периода, сразу же оказалась в центре рыночных (или квазирыночных) отношений. Российский рынок, в том числе рынок научной экспертизы и образовательных услуг, — более жесткий, антиинтеллектуальный и внеправовой, чем в стабильных западных обществах. Приспособиться к нему часто означает навсегда расстаться с принципами научности.

Сравнительно новым (или хорошо забытым старым) явлением становится стремление ввести российскую социологию в сетку идеологических координат, что особенно заметно в преподавании. Некоторые социологи приняли роль учителей жизни и социальных проповедников, выступающих от лица всего общества. Социальный конструктивизм, назидательность и нелюбовь к конкретному социальному анализу у них сочетаются со снятием тезиса о независимости научной экспертизы. В статьях и программах учебных курсов по социологии не всегда легко различить границы научного и политического дискурсов. Социологии пытаются приписать не свойственные ей функции управления социальными процессами, руководства обществом. З. Бауман определил политизирующую социологию как судейскую. В ней есть однозначные критерии прогрессивного и реакционного, передового и отсталого, правильного и неправильного. Советский марксизм, в частности, был откровенно судейской социологией.

Помимо указанных факторов, на состояние российской социологии влияют и ее отношения с западной социологией. Первоначальная ориентированность постсоветского социологического знания на теоретические модели, прикладные методы исследований и образовательные программы западной социальной науки в какой-то мере сняла существовавшие прежде барьеры между западным и российским социологическими сообществами. Были сделаны решительные шаги к созданию единого теоретического и прикладного «поля» международной социологии. Однако «устремленность на Запад» не до конца самоопределившейся российской социологии привела в 1990-е годы в ряде случаев к некритическому следованию западным образцам.

«Западнизм» не в последнюю очередь реализовался и через политику некоторых международных фондов, поддерживавших те исследования и образовательные программы, которые укладывались в

унифицированные схемы глобализации интеллектуального процесса, игнорирующие локальные особенности. В результате вокруг западных фондов в России нередко возникал круг грантополучателей, лучше других улавливавших западную тематическую конъюнктуру. В конце 1990-х годов многие публикации российских социологов и образовательные программы вузов, как по команде, запестрели терминологией, списанной под копирку с западных источников⁵.

Многие социологические группы и центры стали испытывать «грантозависимость» от западных заказов, прежде всего на исследование общественного мнения. Эта экономически вынужденная ориентация, естественно, приводила и к несвободе в выборе методологического инструментария. Но стоило ряду фондов свернуть свою деятельность в России, как «политкорректные» социологи с готовностью переключились на новую тематику.

Зарубежные фонды выполняют огромную работу по поддержке российской социологии. Существует известное несовпадение западного и российского социального контекстов, отражающееся и в частичной тематической нестыковке социологических программ, но, в конце концов, никто не обязывает российских социологов участвовать в работе фондов. А превращение зарубежных программ поддержки российской социологии в кормушку для научно слабых кадров, играющих на конъюнктуре, не делает чести российскому научному сообществу. Как видим, социология находится в состоянии динамической трансформации, постоянно проходя точки болезненной бифуркации.

ИПРО отличал высокий уровень требований к работам, претендующим на включение в проект. Это было вызвано стремлением стимулировать создание образовательных продуктов мирового уровня на основе соединения научного и учебного процессов. В рамках проекта удалось решить конкретные стратегические задачи в этой области. Предложенные модели организации образовательной деятельности с опорой на общий контекст модернизации российского общества могут лечь в основу дальнейшего развития социологического образования и научных исследований в России.

Социологическое образование в России и за рубежом

Процессы глобализации ощутимо воздействуют на высшее образование во всех странах мира, и в этом отношении Россия отнюдь не исключение. Речь идет, прежде всего, об изменении *парадигмы* университетского образования, то есть о возникновении в высшей школе

⁵ Сформировался и определенный тип успешного грантополучателя: молодой специалист, представляющий региональный научный или образовательный центр, легко составляющий заявки с использованием гендерной, глобалистской, мультикультурной и иной политкорректной терминологии и рассылающий эти заявки по всем известным адресам.

новых образцов, норм и мотиваций деятельности. Глобализационные процессы — преобладание изменений над стабильностью, индивидуализация единого исторического времени, новые типы взаимодействия локальных и глобальных практик, возникновение горизонтальных сетевых структур, виртуализация многих сфер жизни, гибридизация культурных феноменов — привели к формированию принципиально новой концепции знания. Это позволяет говорить о новом «идеальном типе» университетского образования. Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались как абсолютная ценность, то отныне возобладали понятие «полезного знания» (*useful knowledge*), нацеленного на результат, приносящий экономическую выгоду. Это приводит к «перенастройке» основных параметров системы университетского образования, а также развенчивает образ ученых как людей, приобщенных к высшим истинам, превращает их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений. В этом амплуа выступают и университетские социологи.

По социологическим программам российских и зарубежных университетов можно проследить резкое падение интереса к истории и теории социологии, другим базовым социологическим дисциплинам. Хорошо обоснованные теории уступают место технологиям с ограниченной зоной социальной ответственности. В социологии, в том числе российской, это инструменты маркетинговых исследований, методики оценки эффективности рекламы, стратегии работы с кадрами и проч. Как в России, так и за рубежом интерес к фундаментальным знаниям проявляют не более 3–4% студентов бакалавриата. Постепенно фундаментальная социология вытесняется из учебных программ. К этому приводит и резкое возрастание значимости преподавательских рейтингов, и введение многочисленных курсов «по выбору». Студенты в подавляющем большинстве выбирают «полезные» дисциплины⁶.

Эта ситуация влияет и на стратификацию преподавателей. Бесспорными лидерами в университетских сообществах становятся те,

⁶ Подобные процессы сегодня наблюдаются во всех западных университетах. Скажем, в США они выступают самостоятельными игроками на рынке образовательных услуг. Это влечет за собой превращение финансирования в главный рычаг управления всей структурой. Социологические факультеты, лаборатории, научные центры и даже отдельные профессора оцениваются теперь по тому, сколько «доходоприносящих» студентов они смогли привлечь, сколько внешних грантов и дотаций «внесли в общую копилку», каков их вклад в бренд университета на рынке образовательных услуг. Американские авторы ссылаются как на почти официальное понятие, имеющее широкое хождение, на *Humanities, Inc.*, что означает гуманитарные дисциплины, инкорпорированные в рынок знаний.

кто *любыми способами* (иногда далекими от академических) привлекают массы студентов, могут направить их к перспективным работодателям, мобилизуют грантовую поддержку со стороны фондов и частных доноров, а также постоянно работают над своим личным брендом на внешнем рынке, включая престижные премии, шумные публикации, связь со средствами массовой информации и проч. Профессор социологии должен демонстрировать студентам образец экономической успешности. Социологическое образование нацеливается не на знание как таковое, а на применение ограниченных и конкретных образовательных продуктов для решения доходоприносящих задач. Предполагается, что каждый преподаватель должен иметь хотя бы минимальные таланты в области менеджмента. Академическая стратификация по-прежнему имеет значение, но она ни в коей мере не может быть альтернативой тенденции к повышению роли предпринимательских дарований.

Важно отметить, что все это происходит не за счет снижения уровня требований и несоблюдения образовательного стандарта. Качество образовательных услуг поддерживается на высоком уровне, хотя и иными средствами — прежде всего за счет динамичности учебного процесса и наличия многообразных форматов получения знания. Но этот «высокий уровень» образования представляет *другое* образование и *другое* знание. Дух менеджериализма пронизывает все звенья высшего образования. Это приводит к большим потерям в областях знания, не имеющего прямого рыночного спроса. Но академические круги университетов воспринимают такое положение как данность, в которой нужно отыскать свою интеллектуальную нишу.

Обсуждая тенденции развития и современные реалии высшего образования, важно учитывать и радикальное изменение самого понятия «качество высшего образования». Если ранее это была фундаментальность и профессиональная отточенность университетских программ, то ныне мы видим несколько иную картину. Абитуриенты социологических факультетов и их родители во временном плане существенно отделены от момента, когда они могут оценить качество образовательного продукта. Иными словами, поступая в российский вуз, будущий студент не имеет достаточной квалификации и знаний конъюнктуры для того, чтобы реально оценить потребительские качества учебных программ. В этом и состоит проблема выбора для абитуриентов и их родителей. Университеты немалые усилия тратят на рекламу своего бренда. И, как правило, эта реклама сосредоточивается на простых и самоочевидных фактах, а именно: наличие в учебных планах популярных в массовом сознании дисциплин, имеющих репутацию «полезных». В социологии это маркетинг, политический и иной PR, реклама и, пожалуй, все.

ИПРО создавался как открытый проект, предоставляющий участникам институциональную среду для творческой деятельности. Выбор учебных курсов, их тематическое наполнение, содержание не регламентировались. В итоге некоторые предметные области, например, экономическая социология, оказались «густо заполненными» фактически альтернативными учебными пособиями. В то же время огромные поля социологической профессиональной деятельности оказались «пустыми», особенно это касается различных спецкурсов (по социологии культуры, молодежи, науки и др.). С одной стороны, это хорошо — пробились только сильные проекты. С другой — это свидетельствует о том, что в стране нет сильных специалистов по многим отраслям социологии. Очевидно, что социологам с такой специализацией требуется особая поддержка, в том числе обучение в ведущих университетах мира.

Рынок учебников по социологии в целом не обнаруживает тенденции к саморегуляции, чего теоретически от него ожидали. Каждый вуз, каждая более или менее институционализированная кафедра социологии стремятся создать и побыстрее напечатать свой и исключительно свой учебник социологии. Косвенным образом и издательства поощряют этот непрофессионализм, без разбора обращаясь к авторам, лишь бы только они выдерживали временные рамки и работали в поле социологии. Доступны ли качественные учебники и учебные пособия по социологии студентам? Во-первых, студенты (и отчасти преподаватели) дезориентированы обилием издаваемой учебной литературы. Поэтому даже в ведущих столичных вузах на семинарских занятиях по социологии можно видеть самые экзотические учебники. Во-вторых, нет системы распространения «книга-почтой», и потому социологическая литература не доходит до отдаленных мест. В-третьих, многие интернет-сайты еще более всеядны и непрофессиональны. Они размещают у себя некие пересказы социологических источников и полуграмотные «рефераты», делающие для многих студентов необязательным чтение литературы по социологии. В-пятых, авторы социологических учебников всеми правдами и неправдами навязывают свою продукцию университетам, в которых преподают. Есть даже неписаное правило, по которому преподающий профессор волен предлагать и продавать своим студентам изданные им книги. При этом он говорит, что все остальные учебники «не подходят». В итоге студенты, как правило, всеми доступными методами стремятся уклониться от приобретения рекомендуемого учебника, предпочитая делать ксероксы отдельных глав, либо сдавать экзамены по интернетовским рефератам и шпаргалкам. В указанной цепочке страдающих участвуют все — и авторы, и издатели, и книготорговля, и студенты. Но более всего страдает социология как наука.

Модель университета в качестве культурного и научного центра, встроенного в систему коммуникаций на рынке образовательных услуг, с одной стороны, и рынок труда, с другой, предполагает диверсификацию социологического знания в двух направлениях. Первое определяется обучением социологии студентов, специализирующихся в социальных и гуманитарных областях. Второе связано с обучением социологии специалистов, занятых в политике, государственном и муниципальном управлении, журналистике, менеджменте, социальной сфере, правоохранительных структурах и службах, вооруженных силах. Для них это повышение квалификации, переподготовка или получение второго высшего образования. Такая диверсификация уже сегодня требует координации усилий университетов по разработке комплексов учебно-методических пособий, имеющих и виртуальную форму, позволяющую организовывать дистанционное обучение.

Образовательные стандарты и преподавание социологии

«Образовательная революция» 1990-х годов, во время которой профессиональная подготовка по общественным наукам стала массовой, вовлекла в преподавание социологии вузовских специалистов советского образца, что нередко имело весьма печальные последствия. Сложившаяся у нас структура учебного процесса, которая предполагает деление студентов по факультетам, ведет к внутренней конкуренции за место в учебных планах и «вымыванию» из них важных, но «чужих» дисциплин. Этому в старых классических университетах противостояла традиция широкой междисциплинарной подготовки на младших курсах. В других случаях защитным барьером может стать только госстандарт как некая институциональная основа для соблюдения фундаментальных принципов, на которых строятся социологические образовательные программы.

В последние годы повышается самостоятельность вузов в формировании образовательных программ. От использования типовых учебных планов произошел переход к государственным образовательным стандартам первого поколения, предусматривающим дисциплины по выбору студента в объеме до 10% от общей трудоемкости обучения. При разработке стандартов второго поколения сделан еще один важный шаг — включение в структуру образовательной программы национально-регионального (вузовского) компонента, позволяющего отразить специфику региона и традиции вуза⁷.

⁷ Отметим, что государственные образовательные стандарты отнюдь не противоречат Болонскому процессу. Более того, они могут служить основой для введения зачетных единиц трудоемкости (кредитов) в соответствии с Европейской системой перевода кредитов (ECTS).

При анализе стандартов высшего профессионального образования бросаются в глаза противоречия в нормативах трудоемкости. При одинаковом сроке обучения общая трудоемкость не является постоянной величиной, что не позволяет выйти на нормативное количество кредитов для каждой ступени образования. Очевидно, что в основе стандартизации каждой ступени должен лежать *принцип единства нормативов трудоемкости*, который приобретает первостепенное значение для введения системы кредитного учета. К недостаткам существующих стандартов следует также отнести неунифицированный подход к учету экзаменационных сессий в общем бюджете времени. При использовании системы ECTS кредиты за освоение дисциплины включают все виды контроля — зачеты, экзамены, курсовые работы/проекты. Все они учитываются в трудоемкости освоения той дисциплины, в которой предусмотрены. Для большинства стандартов характерно «многотемье» федерального компонента, снижающее качество фундаментальной подготовки. Недостаточно продуман вопрос о факультативах. Время, отведенное на этот вид обучения (в том числе на военную подготовку), рядом стандартов не включается в общий бюджет времени.

Проблема стандартизации образования, как ни странно, несет на себе немалый груз культурных различий. В контексте русской и западной культур само понятие «стандарт» имеет неодинаковую смысловую окраску. У нас «стандарт» — это, как правило, нечто застывшее, утвержденное, лишённое творческого начала (отсюда априорно негативный смысл «стандартности»). У «них» это высокая эталонность, которая создает предпосылку для творческой индивидуализации. У «нас» стандарты преодолеваются: чуть ли не каждый факультет социологии говорит на специфическом научном языке. У «них» научные стандарты служат основой для установления языков общения и, следовательно, взаимного понимания. У «нас» если и говорят о стандарте, то только чисто бюрократически, по-министерски. У «них» внутренние стандарты и эталоны идут от профессиональной культуры и потому не требуют бюрократической фиксации в виде внешнего «госстандарта».

Свободы, дарованные российской социологии постперестроечной эпохой, реализовывались в контексте весьма своеобразной социологической культуры общества в целом и профессионального сообщества, в частности. Это породило то, что условно можно назвать *бонапартизмом* в российской социологии, то есть позицию «*я так вижу и все*». Каждое, сколь угодно малое звено в социологической структуре (кафедра, факультет или отдельный преподаватель) считает возможным устанавливать свои стандарты социологического образования. Заметим, что бонапартизм в нашей культуре имеет ещё один смысл — провинциализм. Провинциальность — не географическое

понятие, а социокультурное. Оно означает самодостаточность, обусловленную нежеланием и неумением сравнивать себя с другими, изоляционизм, продиктованный боязнью вступать в открытую научную конкуренцию — особенно с зарубежными коллегами (можно столкнуться и с бонапартизмом противоположного толка, когда тот или иной специалист, прошедший «огранку на Западе», противопоставляет себя «неразвитому» окружению). Здесь и возникают различные зоны турбулентности, порожденные двумя полюсами: либо никаких стандартов и «бонапартизм», либо *формальный* (министерский) *стандарт* до последней запятой.

В результате в образовательном поле российской социологии бытуют сотни учебных программ, с одной стороны, отчасти повторяющих друг друга, а с другой — содержащих концепты, которые не укладываются в общепринятые социологические рамки. Как бы ни определял социолог свое творческое *Я* и, соответственно, свои методы преподавания, для него должен быть обязательным принцип мыслить в категориях устойчивых по своей структуре и повторяющихся явлений. В «приземленной» практике преподавания это означает, что обучающиеся должны проблематизировать явления социальной реальности посредством следующих вопросов: *что* происходит? (выделение факта); *как часто* это происходит? (повторяемость); *как* это происходит? (механизм осуществления функции); *кому* это нужно? (интересы и группы); *что произойдет* в будущем? (развитие тенденции). Так, по видимости, простой социологический анализ есть ни что иное, как активизация *социологического воображения* (по Ч.Р. Миллсу) и, соответственно, формирование социологической культуры.

В ряду необходимых предпосылок научной социологии находится и принятие согласованной схемы социологических категорий. Преподавание может идти с использованием теоретических ориентаций, учитывающих индивидуальный профиль конкретного учебного центра. Но в любом случае все преподаватели и учащиеся должны проходить через «эталонную схему», а если и отказываться от нее, то сознательно и убежденно, а не огульно или по незнанию. Даже попытки отрицания этой схемы, как представляется, должны выражаться в языковых формах, разделяемых вовлеченными сторонами. Без освоения общей социологии и расширенного набора теоретических инструментов, принятых в международном социологическом сообществе, доступа ни в «поле», ни на кафедру быть не может, о ком бы ни шла речь.

Группа, разрабатывавшая рекомендации по совершенствованию госстандартов, решала два типа задач, которые можно условно обозначить как формальные (или «инфраструктурные») и содержательные. Формальные задачи связаны с созданием институциональной основы для соблюдения принципов построения социологических образовательных программ. Такой подход предполагает отказ от «точечного»

контроля над внутренней структурой учебного плана в конкретном вузе. При решении этой группы задач, как нам представляется, получены следующие существенные результаты: введение зачетных единиц трудоемкости (в соответствии с Европейской системой перевода кредитов — ECTS); повышение степени свободы вуза при формировании образовательных программ; расширение возможностей индивидуализировать обучение.

Решая вопросы о содержательном наполнении объема дисциплин федерального компонента, рабочая группа в рамках ИПРО опиралась на общее мнение, что должно существовать ядро социологических тем, концепций и методических навыков. Это ядро обеспечивает профессиональную подготовку социологов, то есть их академическую компетенцию как способность критически мыслить и применять в своей деятельности корпус теоретического, методологического и прикладного знания. Определяя, в чем заключается «социологическое ядро» и академическая компетенция, рабочая группа руководствовалась исследовательским и преподавательским опытом, результатами опросов социологов-преподавателей и проч. При этом сознательно исключался жесткий нормативный подход и априорная схематизация. К этому ядру во всех случаях относятся теория и методы, а также ряд больших тем, посвященных структуре, социализации, культуре, неравенству, социальным институтам и т. д.

Стандартизация социологического знания не может быть проблемой только государственного регулирования. Эта проблема не может решаться и на уровне профессиональных конвенций, не зафиксированных в формальных документах. Достигнуто осознание ее государственно-общественного характера и того, что управление системой профессионального образования — это часть *механизма функционирования гражданского общества*. В рамках ИПРО создан стандарт профессионального социологического образования как «ядра профессии», профессионального минимума.

Влияние ИПРО на деятельность социологических факультетов и кафедр

Качество учебно-методической работы кафедр и факультетов определяется рядом факторов. Позволяет ли квалификация работников кафедры вести преподавание социологических дисциплин так, как это делается в лучших университетах? Располагает ли вуз учебными курсами высокого уровня? Могут ли преподаватели взаимодействовать с коллегами, совершая поездки из одного центра в другой? Имеется ли удовлетворительный доступ к Интернету? Каковы фонды библиотеки? Есть ли достаточное количество компьютеров? Существует ли взаимопонимание между профессорско-преподавательским составом и структурами управления вузом? Есть ли у сотрудников возможности

и желание заниматься научной работой? Наконец, весьма и весьма немаловажное: наличествует ли у работников кафедры ощущение включенности в профессиональное сообщество, присутствует ли на факультете тот особый дух, тот микроклимат, который появляется, когда ориентир взят на самую высокую планку, на мировой уровень?

Особенность и преимущество ИПРО заключаются в том, что это комплексный проект. Университеты-участники при выполнении обязательств по проекту модернизировали все стороны учебно-методической деятельности своих кафедр, не только осваивая новую педагогическую культуру, но и создавая её.

Содержательное обновление социологического образования. В ИПРО приняли участие более десяти российских вузов⁸, где были разработаны и внедрены в педагогическую практику учебные курсы по разным направлениям социального и экономического знания. Доля обновленных учебных курсов в каждом вузе в среднем составила от 20 до 50% от общего их количества. Помимо оценки подготовленных материалов по дисциплинам, уделялось необходимое внимание апробации и адаптации курсов в учебном процессе⁹.

Следует обратить внимание на ещё одно обстоятельство. Проект выявил важный и в целом позитивный факт диверсификации отечественной социологии. При очевидном следовании государственному образовательному стандарту социологическим факультетам удалось

⁸ Среди них Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (проект «Методологические, учебно-методические и организационные новации для повышения качества подготовки в области социально-экономических дисциплин в Нижегородском регионе»); Волгоградский госуниверситет («Экономическая социология: от профессиональной специализации к созданию регионального межвузовского учебно-методического центра»); Институт бизнеса и делового администрирования Саратовского государственного технического университета («Развитие инновационной социологической научно-образовательной программы в Саратовском государственном техническом университете»); Томский государственный университет («Совершенствование социально-экономического образования в Томском государственном университете») и другие.

⁹ Только в Нижегородском государственном университете разработаны и апробированы учебно-методические комплекты по следующим курсам: «Современная западная теоретическая социология», «Социальная структура и социальная стратификация», «Социальное влияние в малой социальной группе: конструктивные и деструктивные аспекты», «Гендерная социология», «Социально-демографические процессы в России и Европе», «Экономическая социология: инструментальный аспект», «Теоретические и социокультурные аспекты девиации», «Этносоциология», «Социология образования и молодежи» и ряд других.

продемонстрировать свою специфику. Она свидетельствует о процессе школообразования в отечественной социологии¹⁰.

Мобильность участников проекта, расширение международных контактов. Негативным явлением последних десятилетий в России стало разобщение социальных институтов. Не обошло оно и образование, дистанцировавшееся, в частности, от рынка труда. Внутри института образования заметен отрыв профессионального (высшего, среднего специального, начального профессионального) образования от общего. Внутри учебных заведений наблюдается несогласованность отдельных программ и курсов, — даже в тех случаях, когда они, в принципе, имеют единую или сходную тематическую и проблемную направленность. Содействие интеграции социально-гуманитарных кафедр внутри вузов, вовлеченных в реализацию ИПРО, — одно из важнейших направлений проекта¹¹. Формы интеграции кафедр были самыми разными: сотрудничество в проекте, предоставление коллегам информации и оборудования, участие в разработке УМК, проведение совместных научных заседаний и др. Преодолению внутренней разобщенности института образования способствовало также укрепление связей между вузами-участниками проекта¹². Однако масштаб этой задачи многократно превосходит объем наработанного в рамках ИПРО.

¹⁰ Сегодня можно говорить о школах экономической социологии в Высшей школе экономики и Новосибирском госуниверситете, парадигмальной социологии в Московском государственном институте международных отношений, школе социальной антропологии в Санкт-Петербургском университете.

¹¹ Так, в Волгоградском госуниверситете к работе в проекте, кроме ведущих преподавателей кафедры социологии и политологии, были привлечены специалисты других факультетов (лингвистики и межкультурной коммуникации, региональной экономики и управления), которые разрабатывали УМК. Электронные ресурсы, создаваемые в рамках проекта, стали органической частью информационных баз данных электронной библиотеки университета в целом. В Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН) при реализации ИПРО наиболее полезными для различных подразделений вуза оказались студенческие семинары. В них участвовали не только слушатели факультета социологии, но и факультетов политических наук, социальной работы. Кроме того, удалось синтезировать учебный и исследовательский процессы на базе проектов Интерцентра — структурного подразделения МВШСЭН.

¹² Вот только некоторые примеры. Учебные пособия по инновационным социологическим курсам, разработанные преподавателями Нижегородского государственного университета, используются университетами, входящими в УМО по социологии, например, Екатеринбургским, Челябинским и др. Сравнительное социологическое исследование ценностных

Социология, как и другие науки, развивается в общемировом научном контексте. Мобильность преподавателей, аспирантов и студентов была заложена в ИПРО как важное направление повышения квалификации. Российские социологи получили возможности для более глубокого включения в мировое профессиональное сообщество. Это способствовало росту их квалификации и как исследователей, и как преподавателей, овладению современным достижениями в методике преподавания и организации учебного процесса, созданию новых учебных курсов¹³. Рост междуниверситетской мобильности является бесспорным и системным эффектом ИПРО. Особенно важно, что речь идёт не только о дежурных визитах и чтении лекций в принимающих университетах. В рамках проекта проводились совместные конференции и семинары, научные исследования, вовлекавшие и студентов, и аспирантов, и сотрудников кафедр. После завершения проекта следует найти ресурсы для поддержки начавшегося процесса профессиональной мобильности и обменов.

Неоднородность качества преподавания социологических дисциплин в университетах страны, как в содержательном, так и методическом отношении, объективно обусловлена и не требует пояснений. Расширение спектра читаемых дисциплин приглашенными специалистами, в том числе зарубежными, безусловно, дает положительные результаты. Обмен специалистами для проведения занятий был направлением деятельности, активно развивавшимся в ходе реализации ИПРО¹⁴.

Итак, в рамках программ НФПК факультеты и кафедры социологии получили уникальную возможность поднять уровень своей деятельности. Фактически были созданы условия (прежде всего финансовые) для

ориентаций студентов России и Германии, проведенное нижегородцами, привлекло внимание зарубежных коллег: два канадских университета предложили дополнить проект материалами по канадским студентам. УМК, подготовленные в Новосибирском государственном университете, вызвали значительный интерес в вузах Новосибирска, Нижнего Новгорода, Омска, Москвы, где новосибирцы прочитали курсы лекций.

¹³ Например, проект, осуществленный в Нижегородском госуниверситете, дал возможность пройти стажировки в университетах Эссен (Германия) и Уорвика (Великобритания) целому ряду преподавателей, студентов, сотрудникам административно-управленческого персонала. Преподаватели университета прошли также стажировки в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте социологии РАН, МВШСЭН. В целом более 1/3 преподавателей получили переподготовку, участвовали в международных и российских конференциях.

¹⁴ Так, в МВШСЭН прошли семинары с участием В. Шляпентоха (США), Дж. Урри (Великобритания), Э. Гидденса (Великобритания) и других ведущих исследователей, в ГУ-ВШЭ ведущие зарубежные ученые прочитали лекции по актуальным проблемам экономической социологии.

налаживания форм преподавания и повышения профессиональной подготовки, соответствующих международным стандартам. В подавляющем большинстве случаев можно говорить, что участники проекта сегодня — это вполне современные факультеты и кафедры, обладающие квалифицированными кадрами, качественными учебными программами, прекрасно оснащенные технически, имеющие прямой доступ к литературе и мировым базам данных. Вопрос состоит в том, насколько это состояние факультетов и кафедр будет долговечным? Думается, что через несколько лет мы сможем увидеть, как сильные социологические подразделения не только сохраняют, но и разовьют импульс ИПРО. Но очевидно и то, что кафедры, сделавшие ставку на использование полученных ресурсов, не создавая задела на будущее, потеряют инерцию поступательного движения.

Влияние научных исследований на преподавание социологии и формирование интеллектуального потенциала вузов

В западноевропейском или американском университете научные исследования традиционно погружены в контекст преподавания. Со старых времен в российском обществе существует стереотип восприятия, согласно которому высокую науку развивают только в системе Академии, а в вузах ее лишь популяризируют. Однако последнее десятилетие значительно подорвало указанный стереотип. Большинство научно-исследовательских институтов Академии наук резко понизили свой статус, перейдя в режим выживания. Зато вузы испытывают невиданный наплыв абитуриентов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Многие академические институты, видя такое положение дел, открыли у себя вузовские программы. Короче говоря, настал час университетов. Но привело ли это к возрождению научных исследований на новой почве? Скорее всего, нет. Нынешняя атмосфера в вузах несколько иная. Здесь идет борьба за доход. Кадры, оборудование, учебные и лабораторные помещения постоянно взвешиваются на весах выгоды. Наукой здесь, как правило, занимаются либо для престижа и отчетности, либо ради некоей особой цели, скажем, коммерческой. К сожалению, и студенты довольно быстро воспринимают эту атмосферу коммерциализации науки, куда их охотно вовлекают для малоквалифицированной помощи.

Отечественные социологические факультеты редко ведут масштабные исследования, предпочитая работать «на коротких дистанциях» по коммерческим заказам. (Правда, распространена и точка зрения, что это проблемы не одной российской социологии, а всего международного социологического сообщества.) Преподавание в вузе не может быть оторвано от научных исследований, поддерживающих базисные социологические дисциплины на должном уровне. Одна из важнейших составляющих ролевой функции, выполняемой вузовским

преподавателем, — использование в учебном процессе материалов собственной работы в науке. Несмотря на осознанную профессиональной общественностью необходимость более тесно соединить учебный и исследовательский процессы, в России это по-прежнему не сделано¹⁵.

Программной целью ИПРО было сближение социологии как науки и социологического образования. Среди наиболее удачных в этой области можно отметить проект Института социологии РАН (ИС РАН) по созданию инновационных курсов и обучению на базе Центра социологического образования; проект МВШСЭН «Создание образовательной программы по экономической социологии», цель которого — достижение международных стандартов обучения и подготовки исследователей в области экономической социологии путем создания организационных форм соединения учебного и исследовательского процессов; проект Новосибирского государственного университета, предусматривавший развитие научно-исследовательской работы преподавателей, аспирантов и студентов. Этот перечень можно было бы продолжить.

Центры повышения квалификации преподавателей. Два Федеральных центра повышения квалификации преподавателей социологии, созданные в Москве (на базе РУДН и ИС РАН) и Санкт-Петербурге (на базе Санкт-Петербургского госуниверситета), получили отличную материальную базу, провели сессии с привлечением российских и зарубежных специалистов. В процессе преподавания широко использовались результаты социологических исследований. В заключение сессий проходила аттестация учебно-методических материалов, подготовленных слушателями по избранным темам, с последующей выдачей сертификатов. Несколько иная модель реализуется в Центре социологического образования, действующем на постоянной основе в Институте социологии РАН. Здесь проводятся тематические курсы, отличительная особенность которых — приобщение слушателей к основным исследовательским программам академического института.

Сложилось вполне обоснованное мнение, что центры повышения квалификации могут быть эффективными, когда они представляют собой консорциумы специалистов из различных вузов и академических институтов. Имеется в виду опыт московского Федерального

¹⁵ Оставляет желать лучшего и вовлечение студентов в исследовательский процесс. Как правило, в вузах не предпринимается ничего, кроме традиционного руководства курсовыми и дипломными работами, а также профессиональной практики, нередко проходящей формально либо сводящейся к использованию студентов как дешевой рабочей силы в полевых работах.

центра, который функционировал как консорциум специалистов из Института социологии РАН и РУДН. Необходимо договориться о разделении сфер деятельности между различными центрами, чтобы они дополняли друг друга, а не дублировали.

Особого внимания требует финансовое обеспечение деятельности этих центров. Для этого, в частности, потребуются привлекать в качестве слушателей специалистов, работающих в сфере маркетинга, консалтинговых услуг и т. п., имеющих возможность оплачивать обучение. Тогда, по-видимому, необходимо предлагать так называемые синтетические программы, в которых вопросы прикладной социологии рассматриваются на базе фундаментальных теоретических дисциплин.

Инновационные учебно-образовательные программы журналов. Проект финансировал следующие журналы: «Мир России», «Социологический журнал», «Экономическая социология», «Социологическое обозрение», «Журнал социологии и социальной антропологии». Издание журнала «Мир России» способствовало преодолению разобщенности как внутри института образования, так и между различными социальными институтами, установлению прочных связей между учебными заведениями, исследовательскими и другими организациями. Статьи, опубликованные в журнале, цитируются в рефератах, курсовых работах, дипломах и диссертациях студентов и аспирантов социологического, экономического и других факультетов. Журнал рассылается в региональные университеты и вузы, распространяется на международных и всероссийских конференциях.

Инновационная учебно-образовательная программа «Социологического журнала» была направлена на обеспечение преподавателей социологии и смежных дисциплин, студентов и аспирантов профильных вузов методическими материалами, публикациями по проблемам теории, методологии и методики социологического исследования, истории социологии, социологии знания, социологии образования, социологии молодежи и другим дисциплинарным направлениям, рекомендательными списками литературы на русском и английском языках и т. д. Большое значение для учебно-образовательного процесса имело опубликование переводов ряда современных и классических работ по социологии. Публикуемые учебные материалы соответствовали социологическим дисциплинам, преподаваемым в университетах России и зарубежных стран (в частности, разработанные в рамках проектов, финансируемых ИПРО). Создавался новый тип периодического издания, ориентированного на внутренние интересы академического и университетского сообщества и используемого в подготовке нового поколения специалистов.

Из поддержанных ИПРО изданий, выполненных в электронной форме и выложенных в Интернете, следует отметить журнал «Экономическая социология» (www.ecsoc.ru). Это высокопрофессиональное

издание, пользующееся большим спросом у преподавателей, исследователей, аспирантов и студентов.

Перечисленные журналы едва ли могли бы полноценно существовать без финансирования со стороны НФПК. Зарубежный опыт также показывает, что самокупаемость подобных изданий невозможна. Вот тут-то, в проблеме финансирования, и кроется главная опасность, подстерегающая эти журналы, едва начавшие нормальное существование. Хотя сотрудники журналов пытались и пытаются отработать модели стабильного существования после завершения проекта, эти попытки пока не привели к желаемым результатам. Возможно, в России пока нет иных источников для поддержки издания научно-образовательных журналов, кроме научных фондов.

ИПРО продемонстрировал, что ведущие социологические центры в России придерживаются классического университетского правила: «Исследуя, обучаю». Бесспорно, что снижение научного потенциала университетской социологии крайне опасно. Опасно тем, что обучение становится оторванным от реалий российского общества, а преподаватели превращаются в трансляторов зарубежных текстов (не всегда добросовестных).

В целом опыт поддержки социологических журналов — безусловно, положительный. Эти издания настолько прочно вошли в жизнь профессионального сообщества, что вопрос об их целесообразности выглядел бы нелепо. Не вызывает сомнения, что поддержка социологических журналов — необходимый шаг к интеграции академического и вузовского сегментов отечественной социологии, повышению качества преподавания обществоведческих дисциплин, формированию стандартов академической независимости и профессионализма в российской социологической науке, развитию активной исследовательской коммуникации и включению российской социологии в мировое научное сообщество

Выводы и перспективы

Анализ результатов ИПРО позволяет сделать следующие выводы: *без продолжения начатой деятельности и распространения материалов проекта нельзя считать его цели достигнутыми*. Необходимо продолжать работу в следующих направлениях:

- создание сети, которая объединяла бы участников проекта и коллег в других вузах;
- создание специального сайта на базе НФПК или Института социологии РАН;
- проведение семинаров (в регионах);
- обеспечение мобильности преподавателей (вузы должны иметь возможность сами предлагать, кого они хотят командировать или принять у себя);

- обеспечение доступа к полнотекстовым версиям курсов;
- межвузовский обмен программами;
- использование Федеральных центров переподготовки преподавателей для распространения результатов проекта;
- организация постоянного исследования (мониторинга) деятельности по продолжению проекта и оценке ее эффективности;
- использование «Социологического журнала» и журнала «Социологические исследования», других печатных изданий, Интернета для распространения результатов проекта;
- издание на паритетах с одним из ведущих западных издательств высокопрофессионального журнала *“Russian Sociology Today”*. Его основу могут составлять переводы социологических работ, опубликованных в печатных и электронных периодических изданиях;
- поддержка деятельности по проекту со стороны НФПК в форме второго этапа финансирования;
- создание координационного центра для осуществления дальнейшей деятельности.